

В послесловии М. Рейнольдс проводит параллели между развитием Советской России и кемалистской Турции в 1920-х годах. Обе эти страны, являясь наследниками рухнувших империй, вынуждены были адаптироваться к изменившейся и крайне неблагоприятной для них геополитической ситуации, что подтолкнуло их к сотрудничеству друг с другом. Кроме того, как советские лидеры, так и Ататюрк со своим окружением осознавали необходимость проведения всесторонних и радикальных реформ не только системы государственного управления, но и экономических, культурных и, в целом, общественных отношений ради выживания их государств. При этом Рейнольдс полагает, что кемалисты активно использовали опыт внутренней политики советского руководства и, более того, «их вдохновляла сама советская модель ведомого государством развития (“state-led development”»)» (с. 259).

С.В. Беспалов

2014.02.004–005. ОБРАЗЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ В СОЗНАНИИ ЕЕ УЧАСТНИКОВ И НАШИХ СОВРЕМЕННИКОВ. (Сводный реферат).

2014.02.004. ЧЕРНИЛОВСКИЙ А.А. Образ Первой мировой войны в сознании военной элиты Российской империи / Гос. ун-т – Учеб.-науч.-произв. комплекс. – Орел, 2011. – 204 с. – Библиогр.: с. 191–204 и в примеч.

2014.02.005. БЕЛАШ Е.Ю. Мифы Первой мировой. – М.: Вече, 2012. – 416 с. – (Военный архив).

Ключевые слова: Первая мировая война; Россия; взгляды и настроения правящей элиты; современные стереотипы Первой мировой войны.

Монография д-ра ист. наук, преподавателя Государственного университета в г. Орел А.А. Черниловского (004) посвящена анализу представлений военной элиты России рубежа XIX–XX вв. начиная от зарождения противоречий с Германией в 70-е годы XIX в. и заканчивая Февральской революцией. Книга состоит из трех глав, приложения с материалами о структуре военной элиты и библиографии.

Первая мировая война по своим масштабам и жертвам во много раз превзошла все ожидания, перечеркнула все прогнозы и

планы, явилась тяжелейшим экзаменом для всех участвовавших в ней армий и государств. Россия, обладавшая самой большой в мире сухопутной армией и самым большим в мире военным бюджетом, оказалась бессильной перед далеко не основными соединениями германской армии, главные силы которой, утверждает автор, на всем протяжении войны находились на Западном фронте. Неспособность одолеть противника, продемонстрировавшая несостоятельность имперской элиты, как политической, так и военной, стала катализатором революционного взрыва, уничтожившего Российскую империю и предопределившего развитие России до 1991 г. Важным аспектом истории войны является ее отражение в массовом сознании россиян, причем особое значение имеют взгляды и настроения правящей элиты, поскольку она принимает решения, обязательные для исполнения всем обществом.

В первой главе «Военная элита России на рубеже XIX–XX вв.» автор дает определение понятия «военной элиты» как «группы военнослужащих, принадлежащих к высшему командному составу вооруженных сил, занимающих высшие командные, штабные и военно-административные должности и входящих в состав правящей элиты государства» (004, с. 36). Автор рассматривает структуру и социокультурный облик российской военной элиты на рубеже XIX–XX вв. С момента рождения принадлежали к военной элите члены семьи Романовых, а в качестве основных каналов ее рекрутирования выступали: учеба в Академии Генерального штаба, специализированных военных академиях, служба в гвардейских частях, участие в боевых действиях. Особенность правящей элиты Российской империи состояла в том, что две ее важнейшие составные части, политическая и военная, на вершине замыкались на одном человеке – императоре.

По социокультурному облику военная элита России являлась профессиональной группой, дворянской по социальному положению и преимущественно дворянской по происхождению, полиэтничной и поликонфессиональной по составу, с преобладанием русских и православных. С точки зрения материального положения русские военачальники делились на землевладельцев и беспоместных служилых дворян, притом что вторые составляли абсолютное большинство. Как всякая социальная общность, военная элита имела определенные ценностные ориентации, к которым следует отме-

сти религиозность, монархизм, патриотизм, долг, доблесть, честь, мужество, имперскую великодержавность, хотя они далеко не всегда соблюдались на практике.

Во второй главе «Противники и союзники в сознании военной элиты России» автор прослеживает формирование образа «вероятного противника» в 1878–1914 гг.; «образ врага» в августе 1914 – феврале 1917 г. и «образ друга» в сознании российской военной элиты. Анализ источников показывает, что в период 1878–1914 гг. военная элита Российской империи считала, что политическое и военное положение страны ухудшилось в сравнении с предшествующей эпохой. В качестве главной угрозы воспринимались либо Англия, либо Германия, однако единомыслия в вопросе о вероятном главном противнике не было. Крайне редко воспринимались в качестве угрозы США. Наиболее постоянными кандидатами на роль вероятного противника считались Австро-Венгрия и Турция. Италия воспринималась как возможный член враждебной коалиции; Швеция, Румыния и даже традиционно дружественная Болгария – в качестве вероятных фланговых противников. Афганистан рассматривался как авангард англо-индийской армии. Революции в Турции и Иране в начале XX в. породили опасения джихада против России. Экономическая и военная модернизация Японии в 1890-е годы воспринималась как «желтая опасность».

С объявлением войны в августе 1914 г. в качестве объектов «образа врага» в сознании военной элиты России выступают Германия и ее союзники, а также некоторые народы России (немцы, евреи, а также жители Средней Азии). Место главного противника заняла Германия, что сочеталось с высокой оценкой морального духа ее армии и народа. Что касается отношения к союзникам по Антанте, то оно также было дифференцированным. Великобритания и Франция воспринимались как союзники сильные, но ненадежные, причем наблюдалась тенденция перекладывать на них ответственность за собственные поражения. Япония по понятным причинам вызывала у многих русских военных неприязнь, и ее присоединение к Антанте не изменило этого отношения. Восприятие Италии и Румынии можно охарактеризовать как презрительное. Наиболее искренние симпатии русские военные питали к Сербии и Черногории, хотя отношение к ним претерпевало изменения.

Глава третья «Предвидение мировой войны российской военной элитой» рассматривает предвидение войны до ее начала и формирование тактики позиционной войны с 1914 по 1917 г. Отмечая, что предвидение военной науки имеет ряд специфических особенностей, отличающих его от прогнозирования в сфере других социальных наук, автор вместе с тем констатирует, что отсутствие у царской России военной доктрины открывало возможность дискуссий о перспективах будущей войны.

Вопрос о сроках войны с Германией стал рассматриваться лишь после Боснийского кризиса. В качестве таковых в большинстве случаев назывался 1915 г. Ни весной 1914 г., ни даже в промежутке между сараевским убийством и австрийским ультиматумом Сербии русские генералы не ожидали скорого начала войны. «При прогнозировании будущей мировой войны военная элита России в подавляющем большинстве мыслила в рамках представлений Наполеона и Мольтке, – констатирует автор. – Русские военные, конечно, понимали, что эта война по масштабам несоизмеримо превзойдет все предыдущие, но так и не смогли подняться до осознания ее подлинных масштабов, а тем более не смогли увидеть ее качественных отличий от прежних вооруженных конфликтов» (004, с. 155).

Рассматривалось два сценария развития событий: когда основные силы Германии будут брошены против России, и когда они будут направлены против Франции. В качестве самой большой опасности рассматривался вражеский десант под Петербургом, но к 1914 г. он считался уже маловероятным. При решении вопроса о продолжительности и исходе войны большая часть военной элиты считала, что она будет скоротечной и что исход ее будет решен генеральным сражением. Точка зрения другой части парадоксальным образом сочетала передовые для того времени мысли о длительном, изматывающем характере будущей войны и опыт Отечественной войны 1812 г. Сторонники этой точки зрения, по аналогии с событиями столетней давности, считали залогом победы России ее географические особенности, климат и даже экономическую отсталость. При этом полностью игнорировались и прогресс военной техники, и внутренняя нестабильность огромной страны, проявившаяся в событиях 1878–1881 гг. и в несравненно большей степени 1905–1907 гг.

Тактическое прогнозирование автор характеризует как неадекватное. Война виделась как серия непродолжительных столкновений пехотных масс при поддержке конницы и артиллерии преимущественно средних калибров на фронте протяженностью не более 200–250 км. Мысль о сплошном позиционном фронте от моря до моря и о массовом применении машинной боевой техники никому не приходила в голову. Столь же неадекватно мыслилась и экономическая составляющая будущей войны: предполагалось снабжать армию за счет военной промышленности и довоенных запасов, никто не предполагал, что возникнет необходимость перевода всей экономики на военные рельсы.

Когда война началась, военная элита была настроена весьма оптимистично. Катастрофа при Сольгау серьезно поколебала этот оптимизм, но последующие благоприятные известия сгладили это впечатление. Осенью 1914 г. произошел переход к позиционной войне, явившийся шоком для русских военных. Тем не менее до весны 1915 г. военная элита России в своем большинстве была уверена в победе. Однако поражения русской армии весной-летом 1915 г. серьезно поколебали оптимизм военной элиты, у многих ее представителей стали появляться опасения в том, что неудачи приведут к революции и крушению правящего режима. Летом 1916 г. в связи с успехом наступления Юго-Западного фронта имел место еще один всплеск оптимизма. Зимой 1917 г. русские генералы, за редким исключением, ожидали затяжной войны и считали положение весьма тяжелым, но Февральская революция для большинства из них была неожиданной, хотя впоследствии некоторые в своих мемуарах пытались преувеличить свою проницательность.

В заключение автор подчеркивает, что «военная элита есть не арифметическая сумма генералов и адмиралов, а социальная общность с развитым групповым самосознанием, системой ценностей, менталитетом, представлением об окружающей социальной действительности... Военная элита Российской империи конца XIX – начала XX в. выступала наряду с политической как сила, от решений которой зависел вектор исторического развития страны и ее поведение на международной арене. В 1914–1917 гг., в условиях глобального вооруженного конфликта, от решений военной элиты зависели действия русской армии на театре военных действий и, в

значительной мере, исход вооруженного противостояния» (004, с. 157).

Подводя итоги, автор утверждает, что прогностический и, по многим показателям, даже синхронный образ мировой войны в сознании военной элиты Российской империи не были адекватны реальности. Ошибочные представления порождали ошибочные решения, которые, в свою очередь, были одной из причин неудачного для России хода войны (004, с. 160).

Книга военного историка Е.Ю. Белаша (005), насыщенная большим фактографическим и цифровым материалом, состоит из 10 глав, а также подробной библиографии, зарубежной и российской.

Первая мировая война ознаменовала коренной слом мира, еще недавно казавшегося незыблемым. В ее истории поражает контраст между предвидениями будущей войны и тем, чем она оказалась на самом деле. Автор сосредоточил внимание на основных стереотипах, связанных с войной, которые назвал мифами. Их краткие формулировки образуют названия глав. Первая глава, «Война из-за Принципа», является попыткой ответа на вопрос: из-за чего началась Первая мировая война? Позднее шутили: «из-за Принципа», т.е. боснийского серба, смертельно ранившего эрцгерцога Австро-Венгрии Франца-Фердинанда. Однако произошедшие задолго до этого покушения на глав правительств крупных стран не стали причиной войны, тем более мировой. Мировая война произошла не просто из-за династической ссоры монархов, дележа колоний или теракта, ее причины зрели не один десяток лет, а поводом могла послужить самая ничтожная стычка в любом уголке земного шара. «Невероятный рост экономики и прогресс техники стремительно меняли мир, но вместе с гордостью постепенно возникал и страх отстать от соседей» (005, с. 6). Причин из-за чего воевать было достаточно (как тогда думали) для любой страны.

В главе «Война на бумаге» показано, чем и как собирались воевать. «К концу XIX в. военные теоретики, гражданские ученые и даже фантасты не раз пытались представить, как может выглядеть будущая война. На помощь приходила как чистая фантазия, так и опыт Крымской, Франко-прусской и более мелких войн, особенно колониальных» (005, с. 18). Германские военные еще в начале 1890-х годов в период подготовки франко-русского союза рабо-

тали над планом войны на два фронта. «Во-первых, война должна была быть обязательно непродолжительной (поскольку при затяжной войне погибала бы германская промышленность). Во-вторых, следовало молниеносным ударом вывести из строя одного противника, направив на него все силы, и предоставив пока другому противнику делать все, что ему угодно... В-третьих, выведя из строя одного противника, вся армия перебрасывалась против другого и также принуждала его к миру» (005, с. 42). В 1891 г. начальником прусского Генерального штаба был назначен граф Шлиффен, вплоть до 1906 г. занимавшийся разработкой планов войны против Франции и России.

В главе под названием «1914: “Зато Париж был спасен”» автор дает свою трактовку другому популярному мифу. Начиная с 20-х годов прошлого века в отечественной популярной литературе стали обычными упреки союзникам, т.е. Франции и Англии. Если русская армия, как обычно считается, пожертвовала собой в августе 1914 г., но отвлекла на себя немецкие войска и тем спасла Париж, то союзники якобы ничего не сделали, чтобы отдать долг России. Справедливы ли эти упреки? И почему война, которая должна была закончиться в считанные недели, продолжалась годы? «Сейчас трудно однозначно судить о том, смогли бы немцы захватить Париж, а затем и завершить войну в августе-сентябре 1914 г., но можно с уверенностью сказать, что не только русские войска внесли вклад в победу на Марне. Стойкость бельгийцев, французов и англичан плюс ошибки немцев тоже заложили фундамент победы. В Марнском сражении французы уже избегали бросать пехоту против артиллерии противника, предпочитая выжидать и давать действовать своей артиллерии, также перестроившейся. Заранее подготовленные укрытые позиции оставались недоступными обстрелу германских тяжелых орудий. В результате немецкая пехота часами лежала под огнем, не имея возможности сдвинуться с места. А затем на стратегическом уровне французы смогли создать спаянный фронт всего наступления в целом» (005, с. 70). В результате последующих сражений осени 1914 г. ни одной из сторон не удалось сокрушить противника. Оказалось, что каждая сторона успевает сосредоточить нужные силы и остановить наступление. Солдаты устали морально и физически, лучшие части исчезли в огне первых месяцев войны. Боеприпасы, особенно снаряды, также подходили к

концу. Наступал новый период – период окопной войны. Автор отмечает, что «союзники, сами всю войну испытывая дефицит вооружения, помогли России... поставками снаряжения, присылали специалистов для организации производства, расширяли кредиты на закупку оружия, материалов и оборудования, предоставляли для перевозки свой флот... Так что обвинения союзников в предательстве, заговоре против России или нежелании воевать, пока кто-то проливал кровь, не имеют серьезных оснований, как бы этого ни хотелось послевоенным мемуаристам и публицистам» (005, с. 75–76).

На поле боя все увереннее выходили новые виды оружия, и новая тактика. Автор подробно рассматривает их применение в главах «Окопная война: хорошо забытое старое», «Чудо-оружие: газы», «Сухопутные броненосцы», благодаря которым «надежда победить противника исчезла». Война затягивалась и все воюющие страны, не только Российская империя, неожиданно столкнулись с резким дефицитом оружия и боеприпасов. «Но Германия, Франция, Великобритания и США имели развитую промышленность и резервы роста, при четкой программе действий позволявшие пусть с серьезными и долгими проблемами, но наращивать выпуск необходимой продукции» (005, с. 225). Приводя зарубежные примеры оперативной перестройки промышленности, от мелкой и средней, обучения персонала, автор, ссылаясь на Витте, указывает, что значительная часть отечественных заказов выполнялась иностранными комиссионерами. Комиссия Скальдовского пришла к выводу, что только 30% заказа по металлургической части была русского, остальное – иностранного производства (005, с. 226).

Приводя большое количество примеров и расчетов с цифрами в руках, автор приходит к выводу, согласно которому «фатальной оказалась не только и не столько довоенная отсталость России по сравнению с ведущими промышленными державами (хотя и она сыграла свою роль), – ни одна страна не избежала ошибок в начальный период войны. Не меньшую роль сыграли подчиненность стратегии интересам Антанты (а не своим), а также неумение грамотно и вовремя мобилизовать и использовать имеющиеся ресурсы. Печально, что эти проблемы осознавались задолго до начала Первой мировой, но так и не были решены» (005, с. 300).

В главе «Брестский мир в plombированном вагоне» автор стремится, отстраняя популярные легенды, разобраться, «что же

было на самом деле». В позднесоветское время при рассказе о событиях 1917 г. по ряду причин стремились сразу перейти к Октябрьской революции. А ведь ей предшествовала Февральская революция, когда была объявлена открытая борьба против Кабинета министров, пока реальная власть в стране не перейдет от Николая II к парламентскому большинству. Февральская революция фактически довершила развал армии, уже к началу года находившейся в состоянии полного распада.

Подробное изложение событий Гражданской войны выходит за рамки данной книги, но в целом автор утверждает, что Белая армия повторила путь царской армии, унаследовав ее ключевые недостатки. Большинство лидеров Белого движения не собирались восстанавливать монархию, которую они же и разрушали (или, как минимум, не протестовали против разрушения), но продемонстрировали то же неумение выдвинуть ясные и понятные конечные цели. Когда белые располагали небольшими добровольческими соединениями, сравнительно хорошо вооруженными и обученными, с высоким моральным духом и опытом мировой войны, они добивались легких побед при своеобразной тактике – «наступление в лоб густыми цепями, почти без артиллерийской поддержки. Но как только от тактики потребовалось перейти к стратегии и логистике, государственный и военный аппарат белых просто захлебывался» (005, с. 341). Снова хаос и казнокрадство в тылу; элита, располагавшая финансами, ожидала падения власти большевиков «через две недели», побаивалась авантюристов и не доверяла генералам, уже провалившим наступление Корнилова. Тем временем красные, несмотря на множество проблем и недостатков, по словам автора, «беспощадно борются с мародерством и самогоноварением, учатся комбинированному применению трофейных танков (и борьбе с ними), своих броневиков, артиллерии, авиации и пехоты с огнеметами и пулеметами. И красным в создании новой армии помогают многие офицеры, вплоть до генералов и генштабистов – сначала царские, а потом и белые» (005, с. 345).

Пока Красная армия представляла собой неорганизованную массу, стремительные атаки отборных частей белых приводили к череде побед и тысячам пленных. Но против мало-мальски грамотно построенной армии унаследованная от царской армии устаревшая на десятилетия тактика хождения на пулеметы и батареи без

выстрела, не пригибаясь и не залегая, уже не работала. В совокупности с полным провалом стратегии, управления, финансов, пропаганды, логистики и дипломатии, упущенными шансами победить это и привело к закономерному финалу (005, с. 347).

В главе «Война 1919 г.» рассматривается подъем интереса к новым видам оружия и тактики, способным принести, наконец, желанную победу. Часть изобретенной техники использовалась на поле боя, другая – не успела повоевать, но найдет широкое применение в последующих войнах. Автор ставит вопрос: почему же после настолько разрушительной, тяжелой и долгой войны мир еще не раз будет содрогаться от новых войн?

Ответом служит глава «Это не мир, это перемирие на двадцать лет». Поведение победителей несло в себе зародыш будущей войны. Неофициальным лозунгом Франции стало «Немец заплатит». Великобритания получила все желаемое – германский военный флот уничтожился, а торговый флот был в полной власти англичан; все важнейшие колонии и Багдадская железная дорога также переходили к Англии, экономика Германии перестала быть опасным конкурентом. США также уже получили почти все, что хотели: Антанта победила и теперь будет платить долги и проценты; Германия побеждена и теперь не угрожает интересам США ни в Южной Америке, ни в Китае. 28 июня 1919 г. Версальский трактат был подписан, война закончилась. Тогда почему же маршал Фош после подписания якобы сказал: «Это не мир, это перемирие на 20 лет»? Разоренная Германия мечтала о реванше. Как ни удивительно, возрождение Германии было выгодно другим странам. Так, для Великобритании усиление Германии позволяло ослабить позиции Франции в Европе и поддержать баланс сил, выступая в привычной для себя еще с XIX в. роли арбитра. К тому же крах германской экономики подорвал бы и экономику самой Британии. В то же время Англия не желала бы «сжигать мосты» между собой и Францией. Франции же угроза с востока давала возможность более-менее контролировать недовольных внутри страны. США получали дешевую первоклассную рабочую силу и заводы для филиалов своих фирм в Германии. Кредиты США в германскую экономику позволяли Германии выплачивать репарации европейским победителям, а тем, в свою очередь, рассчитывать с долгами перед США (005, с. 373).

Советской России, а затем СССР было жизненно необходимо разорвать дипломатическую и экономическую блокаду, а затем всемерно затруднить новые попытки сделать с СССР то же, что англичане делали с Ираком и Афганистаном, японцы – с Китаем, а испанцы и французы – с Марокко. Первая мировая война показала, что крупные промышленные державы при необходимости могут буквально за пару лет увеличить производство вооружений в десятки и даже сотни раз, включая новейшую технику. Поэтому любой ценой форсировалось создание новых видов вооружения, пусть даже многие образцы не оправдают надежд. И поэтому СССР готов был сотрудничать с любой страной, даже с недавними противниками, если это позволяло получить нужные технологии. Отсюда и поддержка Турции, Персии и Афганистана, мирового коммунистического движения – активная политика заставляла противников СССР обороняться и идти на уступки. Упущенные Российской империей уроки мировой войны приходилось наверстывать.

Т.М. Фадеева

ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

2014.02.006. ТЭЙЛОР М. ДОМИНИОН ИСТОРИИ: ЭКСПОРТ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ БРИТАНИИ С 1850 г.

TAYLOR M. The dominion of history: The export of historical research from Britain since 1850 // Historical research. – L., 2013. – P. 1–18. – [Электронный ресурс]. – Mode of access: <http://onlinelibrary.wiley.com/journal/10.1111/%28ISSN%291468-2281/earlyview>.

Ключевые слова: историческая наука; историк в Британской империи и Содружестве наций.

В статье профессора М. Тэйлора (директор Института исторических исследований, Великобритания) рассматриваются особенности формирования исторической науки и профессии историка в Британской империи и (Британском) Содружестве наций с конца XIX в. Автор подчеркивает политику доминирования метрополии в создании и развитии исторической науки в колониях.

М. Тэйлор пишет, что профессиональное объединение историков – Королевское историческое общество – было создано только в 1868 г., довольно поздно по сравнению с организациями пред-